ВВЕДЕНИЕ

1

Первые записи шорского языка и фольклора относятся ко второй половине XIX в.

Алтайская миссия, учрежденная в 1828 г. и начавшая свою деятельность на Алтае в 1830 г., распространила свое влияние на всю Кузнецкую тайгу, а также на юго-западную часть Минусинского края, населенную шорцами. Приступая к осуществлению своей задачи — христианизации племен Алтая — задачи, которой миссия, выполняя заказ царского правительства, придавала не только религиозное, но и политическое значение,[1] миссионеры, ревностно принялись за изучение местных наречий. Миссионеры прекрасно учитывали всю важность знания туземных языков для успешности религиозной пропаганды.

Однако язык шорцев не был предметом специального изучения миссионеров, во всяком случае не нашел такого отражения в их работах, как языки алтайский и телеутский.[2] «И должно сознаться, — писали миссионеры в предисловии к «Грамматике алтайского языка», составленной членами Алтайской миссии, Казань, 1869, — что прочие наречия, шорское и черновое, остались несколько в тени, или по крайней мере не подверглись, равномерно с алтайско-телеутским, изучению и употреблению миссионеров».

В работах миссионеров мы находим лишь отдельные шорские слова и сопоставление их с алтайскими: так, напр., в названной выше «Грамматике алтайского языка», в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого, Казань, 1887, и в его рецензии на работу В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи».[1]

Только отдельные шорские слова мы находим также в работе проф. Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня», Казань, 1903, и в работе С. Д. Майнагашева «Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г.», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3, 1914.

Значительно более полно отражен шорский язык в работах акад. В. В. Радлова: «Опыт словаря тюркских наречий», СПб., 1888, «Phonetik der nördlichen Türksprachen», Leipzig, 1882, «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи», ч. I, СПб., 1866, а также в работе С. Е. Малова «Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909.

*

Одним из средств для «проникновения в тайны религиозного мировоззрения туземного населения» и для борьбы с шаманством (в целях христианизации) миссионеры считали изучение фольклора. «Изучение быта местных инородцев, — писал свящ. Орфеев, — постановлением бывшего в Казани собрания преосвященных архиереев признано важным средством, содействующим успеху миссий. Источником для изучения быта и верований инородцев, кроме непосредственного наблюдения, может служить местная инородческая устная литература».[2] Вот почему алтайские миссионеры параллельно с изучением языка собирали и записывали образцы фольклора.

---

[1] «Вопрос о христианском просвещении инородцев, в особенности инородцев-язычников, есть вопрос первой важности не в одном только церковном, но и гражданском отношении» (из постановления собрания архиереев в Казани в 1885 г. Енисейские епарх. ведом., 1886, № 13, стр. 179). «Алтайская миссия, — пишут миссионеры, — совершает служение не только церковное, но и государственное. Она вносит в Алтай русскую культуру через православие» (отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 18).

[2] См. Отчет Алт. дух. миссии за 1910 г.; Алтайская и киргизская миссия Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893; Стеф. Ландышев. Сведения об Алт. дух. миссии за шесть лет, 1856—1862: изучение языка алтайцев и переводы на оный, и т. д. На шорском языке были изданы: «Священная история на шорском языке», Казань, 1883; «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии», Казань, 1884; «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» «Шор кіжілері балаларын пічікке ўргетче», Казань, 1885. Кроме того, по сообщению миссионеров, «были переведены с алтайского на наречие инородцев Кузнецкого отделения, весьма отличное от наречия алтайцев Бийского округа: огласительное поучение, символ веры и краткие молитвы, исповедь и вопросы при крещении» и т. д. Стефан Ландышев, op. cit.

[1] Приложение к книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы», Москва, 1893.

[2] «Быт минусинских инородцев, каким он изображается в их поэмах». Енисейские епархиальные ведомости, 1859, № 212.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

В предисловии к «Грамматике алтайского языка» составители ее писали: «При первоначальном составлении этого труда главнейшим и, можно сказать, единственным источником по части текстов служило собрание телеутских и алтайских, отчасти кондомских[1] народных произведений, составленное самими миссионерами» (стр. VI). Но собранные миссионерами «кондомские народные произведения» не были изданы и до нас не дошли.[2] Первые записи шорского фольклора (богатырский эпос) мы находим в названном выше труде акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен», т. I (стр. 310—399). Отдельные записи содержатся также в упомянутом «Отчете» С. Е. Малова (стр. 41—46).

*

До Октябрьской революции шорцы не имели своей письменности. Торговцы-шорцы для своих торговых записей употребляли изобразительное письмо. Охотники делали особые затесы на деревьях. Грамотные шорцы (по данн. 1900 г. был всего 1% грамотных шорцев) пользовались русским алфавитом, лишь несколько приспособив его к шорскому языку. Лишь после Октябрьской революции шорцы получили свою письменность, самими шорцами был выработан алфавит, в основу которого был положен русский алфавит, и в 1927 г. был издан первый шорский букварь: «Карашкыдаң шыгар. Шорлардың паштапкы ӱргэнчең буквары» (Центральное издательство народов СССР, Москва). В 1930 г. шорский алфавит был латинизирован. Первый букварь на латинизированном алфавите вышел в 1930 г.: «Naa col» SSSR conьnьң səntьr izdatəlstьvazь. Moskьva, 1930. Латинизация шорского алфавита явилась большим тормозом в деле развития шорской письменности. В настоящее время шорцы имеют алфавит на русской основе и на нем успешно развивают свою письменность.

Горно-Шорский район имеет газету «Кызыл шор» на шорском языке.

Институтом языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра и Институтом этнографии Академии Наук СССР организовано планомерное изучение шорского языка и фольклора. В настоящее время подготовлена к печати грамматика шорского языка и ведется работа по составлению шорско-русского словаря.

---

1 Т. е. шорских.

2 Сохранились только некоторые легенды о горах (в русском переводе) в книге «Алтайские инородцы» Вербицкого и несколько пословиц и поговорок — taqpaq söster — в шорском букваре — «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа», изд. Православного миссионерского об-ва, Казань, 1885.

Большое внимание шорскому языку уделяется также в Горно-Шорском районе. Силами местных работников-шорцев составлены практические грамматики для школ и осуществляется работа по переводу на шорский язык политической литературы и классиков русской литературы. Развивается также оригинальная шорская литература.

2

Произведения художественного творчества шорцев существовали до Октябрьской революции в устной форме.

Основные виды устно-народного творчества шорцев:

I. Сказки — называемые šörček (на р. Кондоме), nybaq~nyβaq (на рр. Томи и Мрассу), nartpaq (в верховьях р. Мрассу) — бытового и фантастического содержания.[1]

II. Небольшие рассказы и легенды — purunγu čooq, kep čooq, erbek[2] или tïlàs[3] — типа преданий или бывальщин. Здесь мы находим рассказы исторического содержания, обычно о набегах киргизов, о легендарных народах, о битвах, рассказы о прежней жизни шорцев, об охоте, эксплоатации охотников торговцами и т. д. Подобного рода рассказы носят еще иногда название šyn[4] [правда, действительно, истина] или šyn poḷγan [действительно, на самом деле было]. Среди легенд большое место занимают охотничьи легенды, легенды о «хозяевах» гор и воды.

По внешнему строю это прозаические рассказы, небольшие по размеру, не имеющие ни определенного начала, ни трафаретной концовки. Они начинаются обычно: «Один человек охотясь ходил», «Тот человек прежде на промысел ходил» или «Одна артель на Падын тайге охотилась». Рассказчик называет или имя промышленника: «Когда Лука на промысел пошел», или же ведет рассказ от себя, как непосредственного участника происшедших событий: «На промысел на тайгу Кобес я отправился», или же говорит: «Один охотник на промысел ходил», «Тот человек запас собрав, на промысел отправился» и т. д.

---

1 Ср. čorčok (Tel), čörčök Tel, Leb), šörček (Sch) nybaq (Sch) — сказки, nartpaq (Sag) — богатырская сказка. Heldengesang — сказка. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. I, стр. 2021, 2042, 697, 651; т. VI, стр. 1037; šörček (K), numaq (Абак.) — сказка. В. И. Вербицкий. Словарь, стр. 213, 451.

2 erbek ~ ermek — беседа, разговор, заговор, нарекание. Вербицкий, 50; Радлов, I, 801.

3 tïl'as — собственно значит: известно, новость, весть, повествование, ср. tïl — язык, tïl, alyš — вести беседу с кем. Вербицкий, 354, tïläs — шум, весть, молва. Радлов, III, 1383.

4 šyn — истина, правда, действительность, так. Вербицкий, 455. šyn ~ čyn — истинный, истина. Радлов, 1049.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

Многочисленны и космогонические легенды (мифы о сотворении земли, людей, о потопе и т. д.).

К этому же разделу могут быть отнесены и легенды о животных (напр. медвежьи мифы), а также рассказы о животных, типа животного эпоса.

Особо могут быть выделены рассказы и сказки смешного содержания, называемые qatqylyḡ. Они рассказываются, обычно, мужчинами на промысле.

III. Поговорки — kep sös, taqpaq sös или ülger sös — имеют обычно форму двустиший. kep sös или ülger sös входят как составной элемент и в общую композицию героических поэм (напр. kijik tüktüḡ polčaŋ, kiži attyḡ polčaŋ — козуля бывает с шерстью, человек должен иметь имя — слова богатыря, требующего, чтобы ему дали имя; atqan oq taštaŋ nanmas, parγan er čoldaŋ nanmas — выстреленная стрела не возвращается от камня, ушедший мужчина не возвращается с пути и др.). Речь некоторых стариков пересыпалась такими ülger söster'ами.

IV. Загадки — tartyrčaŋ nybaqtary, tapčaŋ nybaq, tapčaŋ nartpaq, taptyrγyš, nybaγaštar, taqpaq, tapčaŋy[1] — служили развлечением в долгие осенние и зимние вечера главным образом для молодежи и детей.

V. Эпические богатырские поэмы, полустихотворные, полупрозаические, qaj,[2] рассказываемые нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента qomus ~ qobys или qaj qomys. Сказитель обычно начинает с прелюдии, во время исполнения которой он как бы обдумывает свою поэму. Затем он начинает петь низким горловым голосом. Поэму сказитель поет по частям (по несколько двустиший), заканчивая каждую часть пением без слов или одним лишь аккомпанементом на комысе. Содержание пропетой части сказитель затем передает словами без пения. Отдельные сказители начинают qaj с обращения к герою сказания и к своему комысу. Богатырские или героические поэмы имеют строго выработанную форму, определенные, почти стандартные начала и концовки. Они изобилуют повторениями и сравнениями

[1] tapčaŋy — собственно отгадка. См. Вербицкий, 333; Радлов, III, 974, 698. taqpaq ~ taqpyš — басня, загадка (Вербицкий, 327).

[2] Героический эпос называется иногда также nybaq ~ narpaq ~ šörček (ср. Радлов, IV, стр. 651, nartpag (Sag) — Heldengesang, ein Märchen). Название qaj указывает на способ их исполнения (qaj — гортанные звуки, производимые при рецитировании сказок; qajla — гортанным звуком рецитировать сказки — Радлов, II, 3, 27).

Сами шорцы делают различие между сказочниками и сказителями поэм. Первых они называют nartpaqčy, nybaqčy, а вторых — qajčy.

и очень длинны. Правда, сказитель по своему желанию и настроению, а также в зависимости от внимания слушателей может передать поэму более кратко и сжато, опустив ряд подробностей и эпизодов, или, наоборот, передать ее пространно, прибавляя некоторые детали, украшая ее различными образами, привлекая ряд сравнений.

VI. Песни, saryn, слагаемые на различные случаи жизни. Стих имеет строфическое строение. Строфы обычно состоят из двух или четырех строк. Часто песни импровизируются. Песни поются соло и хором. Поют хором обычно в унисон. На один и тот же мотив поются самые разнообразные песни. Часто песни поются под аккомпанемент qomys'a или балалайки.[1] Песни по своему содержанию распадаются на: sȳt~syγyt — плачи, которые исполнялись обычно при оплакивании умершего, свадебные песни — toj saryn, игровые песни — ojun saryn (жанр мало развитый), песни любовные, то хвалебные, то задорно насмешливые, песни бытовые — самого разнообразного содержания — и песни исторические, как, напр., про богатырей-предков отдельных родов, про битвы и столкновения. По своей форме песни разделяются на длинные («протяжные») песни, обычно лирические — uzun saryn и двустишья или четырехстишья — taqpaq, типа частушек.

Особый вид четырехстиший и двустиший составляли sögüš[2] — насмешливые песни или пословицы, которые слагались представителями одного рода (sök'a) для высмеивания тех или иных черт представителей другого рода, жителями одного селения для вышучивания жителей других селений и т. д. sögüš иногда создавались также представителями одного пола для вышучивания другого пола.

Отдельные песни исполнялись в виде дуэта. Двое исполнителей, обычно юноша и девушка, состязались в остроумии и образности речи. Один из них начинал песню, слова другого были ему ответом (см., напр., песню aq quḷun-ma kün āryḡ). В старину устраивались состязания известных певцов. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из состязающихся не умолкал, истощив свое красноречие.

В поэзии шорцев, как и в поэзии других алтайских народов, весьма развита аллитерация. Песни, saryn, так же как и богатырские поэмы, qaj,

[1] šerčeŋ qomys (Sch) — двухструнная балалайка. Радлов, II, 670.

[2] sögüš — поношение, порицание, проклятие, злословие, от sök, sökle (sökküle) — ругать, бранить, порицать, насмехаться, издеваться. Вербицкий, 305; Радлов, II, 570, 576.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

по форме стиха представляют собой так называемый белый стих. Еще В. И. Вербицкий писал про песни алтайцев: «В песни непременно требуется два условия: 1) чтобы она имела сравнение; 2) чтобы строфы из двустиший или четырехстиший начинались всегда с одной и той же буквы. О хвостах (рифмах) алтаец не тужит, у него были бы согласны головы».[1] Наблюдается как начальная аллитерация, так и аллитерация внутренняя. Пример аллитерации начала строк:

qazyŋ agašqa pür özerde
qałyq čon čadyp tüštür;
terek agašqa pür özerde
tekši čon čajała tüštür.

qałaq-pa čer pöler tušta,
qamyš-pa sug̃ pöler tušta

aq małdyŋ artazynda,
aq čazynyŋ ortada
ajγa künge sustaγanče
ałtyn örge turča

qartyγa quštuŋ ujazy
qadyg̃ qajanyŋ tözünde

Пример аллитерации полустрок:

aγar kelip aj öldü,
köger kelip kün öldü

qarslada qatqyrdy,
kürslede külübüstü

В некоторых случаях ради аллитерации приносится в жертву отчасти и содержание. Так, напр., в концовках поэм вместо:

odurup uqqan kižilerge
tjuq pölüš četsin;
čadyp uqqan kižilerge
čardyq pölüš četsin.

[1] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы, Москва, 1893, стр. 167.

иногда говорят:

odurup uqqan kižilerge
orta[1] ülüš četsin;
čadyp uqqan kižilerge
čardyq ülüš četsin.

Рифма иногда встречается как в песнях и эпических поэмах, так и в пословицах и поговорках. Рифма определяется морфологическим строем языка и композицией стиха. В противоположность аллитерации рифма развита слабо.[2] Пример:

čabał tonnug̃ apšyjlar
čābyg̃ ałtyna kirdiler,
eski tonnug̃ qurt'jaqtar
emge kire čügürüštüler.

Параллелистическая композиция характерна для поэзии шорцев, как и для поэзии алтайских тюрков вообще.[3] Обычно строфа состоит из четырех строк,

[1] tjuq pölüš — целая, полная доля, orta pölüš — половина, полдоли. Во втором случае для соблюдения аллитерации вместо требующегося по смыслу слова tjuq употреблено слово orta. Вместо обычной концовки:

Сидя слушавшим людям
Полная доля пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется —

получается:

Сидя слушавшим людям
Полдоли пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Полдоли пусть достанется.

[2] См. о форме стиха у алтайских тюрков: W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, B. IV, 1866, S. 82—114; W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1893, B. I, S. 342; A. Schiefner. Предисловие к I тому «Proben der Volkslitteratur Türkischer Stämme Südsibiriens von Dr. W. Radloff», СПб., 1866, стр. IX—XVI.

Форме стиха у тюркских народов вообще посвящены следующие работы: статья Л. Лилина «К вопросам формального изучения поэзии турецких народов», являющаяся изложением на русском языке работы T. Kowalsky «Ze studjow nad forma poezji ludow tureckich», напечатанной в трудах Ориенталистической комиссии польской Академии Наук, Краков, 1921. Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та, Востоковедение, т. I—II, Баку, 1928, стр. 37—60, 139—201); статья Ф. Корша «Древнейший народный стих турецких племен». Записки Восточного отд. Русск. арх. об-ва, т. XIX, вып. II—III, стр. 142—162.

[3] Ср. П. Мелиоранский, «Об орхонских и енисейских нагробных надписях». Журн. министерства нар. просвещ., 1898, т. 31, стр. 279—280: «Особенно характерной чертой надписей является так называемый параллелизм, причем друг другу соответствуют не только отдельные части предложений или периодов, но даже отдельных частей надписей. Кое-где замечается и аллитерация».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

распадающихся как по содержанию, так и по форме на две половины. Двухчленная структура присуща в равной мере и поэзии и прозе. Примеры:

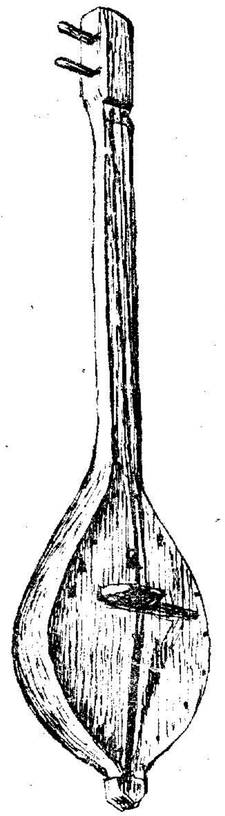

Рис. 1.

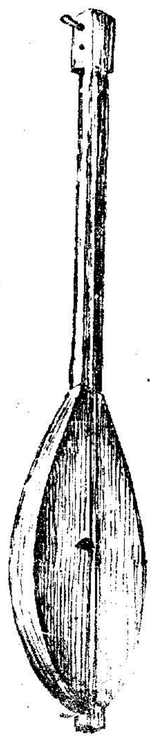

Рис. 2.

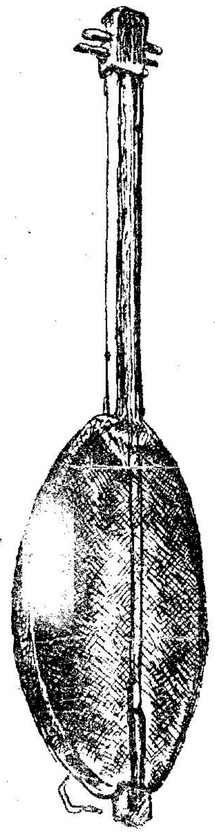

Рис. 3.

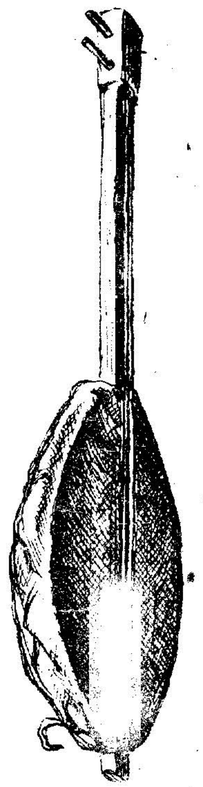

Рис. 4.

turγan aγaš paštary
tura synyš-ertišti,
čatqan aγaš paštary
čada synyžyp crtišti.

örttең aryg̱ šyrajy
ölgen pārγa kepten-partyr,
qannaң qyzyl šyrajy
qara pārγa keptēn-partyr.

sasqa ösken saryg̱ tał
saryarbanče össün-me!
kižideң tuγan er paťa
sananmanče čörsün-me!

qumaqqa ösken quba tał
qubarbanče össün-me:
kižideң tuγan er pala
qunanmanče čörsün-me.

Как выше уже упоминалось, песни и эпические поэмы — qaj сопровождаются игрой на музыкальном инструменте комысе.

Комыс (qomus ~ qobys)[1] — наиболее распространенный музыкальный инструмент у шорцев. Он изготовляется специальными мастерами, играть на нем умеют лишь некоторые сказители — qajčy и певцы — sarynčy. Комыс (рис. 1 — 4) изготовляется обычно из тала или кедра. В сказках чаще упоминается taң qomys — ивовый комыс. Комыс имеет две струны из конского волоса. Дека комыса обычно делается из деревянной пластинки (рис. 1 и 2).[2] Шорцы, живущие в Хакассии, часто обтягивают комыс кожей (рис. 3 и 4).[3] В местах соприкосновения шорцев с русскими появился музыкальный инструмент типа русской балалайки (рис. 5).[4]

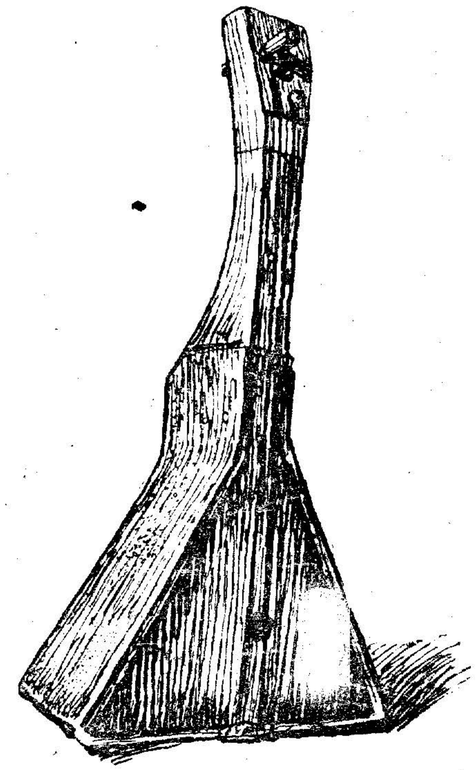

Рис. 5.

Переходя к рассмотрению содержания шорского фольклора, надо прежде всего сказать, что в основном этот фольклор отражает охотничий промысел — основную хозяйственную деятельность шорцев —

---

[1] qomus (qobus ~ qobys) — музыкальный инструмент, музыка. Радлов, II, 670.

[2] Коллекция ИАЭ № 2566—I: длина и ширина ручки 44 × 3 см, ширина и длина деки 21 × 15½ см; коллекция № 3645—190: длина и ширина ручки 40 × 3½ см, ширина и длина деки 29 × 12 см.

[3] Коллекция ИАЭ № 267—79: длина и ширина ручки 41 × 3 см, длина и ширина деки 32 × 16 см.

[4] Коллекция ИАЭ № 3645—191: длина и ширина деки 44 × 26 × 8 см.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

и выросшие на основе этого промысла производственные и социальные отношения.

В Сборнике обычного права сибирских инородцев,[1] в главе об обычаях туземцев Кузнецкого округа мы читаем: «(Шорцы) имеют склонность более к звериному промыслу, нежели к хлебопашеству и скотоводству, которым большей частью занимаются живущие между крестьянами, а потому все почти умеют действовать хорошо ружьем». «Звериная ловля, — писал Георги в 1799 г., — есть главное их (речь идет об абинцах — шорцах, живущих на реке Томи около Кузнецка, рода аба) дело, потому наипаче, что всякая дичина полезна им в рассуждении как шкур, которыми они подушный свой оклад очищают, так и мяса» (Описание всех обитающих в российском государстве народов, стр. 163).

Звероловный промысел был основным видом хозяйственной деятельности шорцев. По данным 1900 г. 75.9% всех хозяйств бывшего Кузнецкого уезда были заняты охотой,[2] причем в волостях с исключительно или преимущественно шорским населением процент этот был значительно выше; так, напр., в Казановской волости (верховье р. Томи) — 86.1%, Кивинской (по р. Кобырсу) — 90%, Кондомо-Итиберско-Шерагашинской (по р. Кондоме) — 95.6%, Кийской (верховье Мрассу) — 99.9%. Места промысла принадлежали родам. Внутри рода земли были поделены между тöл'ями («фамилиями», подразделениями родов). Право рода на охотничью территорию особенно долго сохранялось в южной части района. — «Вся местность обитания черневых татар разделена на отдельные „тайги“ и в каждой хозяйничают тот или другой род» (А. В. Андрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, соверш. в 1881 г. Зап. Р. Г. О. по общ. геогр., т. XI, 1886, стр. 317). Охота — занятие исключительно мужское. Для женщин охота была под строжайшим табу. Мужчины проводили большую часта года в тайге на промысле. Они уходили из дому за десятки и даже сотни километров, таща за собою нарту (šanaγas) или волокушу (sürtke ~ sörtke) с припасами. От удачи на промысле зависела вся жизнь таежного шорца. Уменьшение в тайге зверя сулило голод (qadyg̅ kün — тяжелые дни) шорцу-промышленнику. Продукты охотничьего промысла (пушной охоты) с давних пор шли в уплату alban'a — дани монгольским и джунгарским ханам, киргизским князьям, а позднее — русскому царю.

[1] Изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 7.

[2] По статистическим данным экспедиции С. П. Швецова. Горный Алтай и его население, т. IV, вып. I, Черновые инородцы Кузнецкого края. Барнаул, 1903.

Пушнина служила у шорцев предметом меновой торговли с соседними племенами, а после русского завоевания — также и с русскими. Шкурка белки являлась меновой единицей в тайге; соболями брали и ими исчисляли ясак. Скупка пушнины основана была на жесточайшей эксплоатации бедняков-шорцев как русскими, так и туземными богачами. Среди шорцев появились особые скупщики пушнины, так называемые 'tanyš'ы, служившие большей частью посредниками между русскими торговцами и бедняками шорцами-промышленниками.

Совершенно естественно поэтому, что охота в шорском фольклоре занимает выдающееся место. Она описывается в многочисленных рассказах, о ней поется в песнях, говорится в легендах.

Шорский фольклор живо сохранил также и яркие черты отношений первобытно-общинного строя нашедших свое выражение как в организации звероловного промысла, так и в нормах распределения добычи. Более того, в фольклоре̅ резко осуждаются всякие проявления частно-собственнических тенденций и стремления к индивидуальному присвоению. Нарушивший установленные веками отношения общинного строя обычно подвергается в фольклоре жестокому наказанию со стороны духов — хранителей старого порядка.

«Два брата, загнав оленя, кайком его убили. Убив, шкуру содрали, мясо в шкуру обернули и к селению поволокли. Когда в селение возвращались, один человек огромного роста по снегу бежал. Близко подбежав, спрашивает: „Одну долю дашь ли?“ Те два брата скупые люди были — не дали... Дома им отец сказал: „Хорошо не будет!“ В том же году, когда два брата сеть на выдру ставить пошли, старший брат под воду ушел. Хозяин воды его утянул — так говорят».

«Один охотник добытых соболей от товарищей утаил. Хозяин тайги сильно рассердился. Потом, когда тот охотник промышлял, он марала увидел. Когда за зверем погнался, далеко в тайгу зашел. Догонял-догонял — зверя нагнал. Ночь наступила. Шкуру зверя снял. У основания дерева снег кайком разгреб, лег. Шкурой накрылся. Заснул. Утром, встав, стан искать пошел. Шел-шел, выйти не мог. Так в тайге замерз».

В другой легенде говорится про охотника, который утаил от товарищей пойманного им черного соболя: «Ночью хозяин той тайги пришел и ругать его стал, говоря: жеребца моего отдай! Если данным мною тебе зверем-птицей с другими не поделишься, душу твою возьму и в своей тайге запру, так и умрешь!»

4233.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

Часто в фольклоре противопоставляются отношения распределения, характерные для охотничьего хозяйства, отношениям, свойственным более развитому, скотоводческому хозяйству.

«Мясо убитой на промысле дикой козы — пища всего народа. Мясо заколотой дома овцы — только если хозяин даст, пищей будет».

У охотников существовал обычай, носивший название 'teŋ üleš' — равная доля и 'orta pölüš' — половина доли. Этот обычай заключался в следующем: шорец охотник, который по какой-либо причине не имел возможности пойти на промысел, отдавал свое снаряжение и запас какому-либо сородичу, который и охотился вместо него. Всю добытую пушнину они делили пополам. С развитием торговых отношений и ростом имущественного неравенства этот обычай родовой взаимопомощи был использован богатыми шорцами для беспощадной эксплоатации своих бедных сородичей. Богач шорец снаряжал бедняков-охотников на промысел, давал им в долг одежду, огнеприпасы и т. д. и забирал за это у них после промысла половину пушнины, а остальную часть покупал по очень низким ценам или же брал за старый долг. Торговцы шорцы, таныш'ы, продавали в долг неимущим охотникам снаряжение, продукты питания и т. д., а после промысла отбирали от них за долг пушнину. Бедняк шорец принужден был снова брать у торговца в долг и так оказывался в кабальной зависимости из года в год. Фольклор насыщен описаниями эксплоататорских отношений, господствовавших в тайге; он ярко рисует тот период, когда в тайге хозяйничали отдельные богачи, скупщики продуктов лесного хозяйства (пушнины и ореха), таныш'ы, а бедные шорские промышленники бродили полуголодные с ружьем по тайге, выслеживая зверя, и терпели нужду и голод; он также рисует эксплоатацию шорцев русскими торговцами и чиновниками.

Многочисленные охотничьи рассказы и легенды[1] (стр. 3—21) отражают анимистические представления шорца-охотника. Бессильный в борьбе с природой и с эксплоататорами, задавленный вечной нуждой и заботами шорец-охотник все свои удачи и неудачи приписывал сверхъестественным силам, связывал с расположением «хозяев» гор и леса. «Хозяев» этих он творил по своему образу и подобию, наделял их своими страстями и слабостями, своими симпатиями и антипатиями, своими мыслями и чувствами, приписывал им свой образ жизни и поведение, свои имущественные и социальные отношения.

[1] Охотничьи легенды шорцев сходны как по форме, так и по содержанию с охотничьим фольклором других тюрков, алтайских и енисейских. См., напр., Н. Ф. Катанов, Образцы

Все горы и тайги — районы охотничьего промысла — мыслил он, распределены между «хозяевами», как некогда промысловые угодья распределены были между отдельными родами. Горы — это жилище этих «хозяев». Животные — их скот, который они вольны послать или не послать охотнику.

Промысловых животных — свой скот — они проигрывают друг другу в карты, отчего в богатых прежде пушниной тайгах переводится зверь и прекращается промысел. «Хозяйки» гор, дочери «хозяев», являются промышленникам, вступают с ними в любовные связи, сводят с ума или, наоборот, наделяют богатством.

Все сказанное относится и к «хозяину» воды, который может послать или не послать рыбы, может утопить лодку или затопить во время ледохода улус.

«Хозяева» гор, леса и воды очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без призора свой скот — зверей и рыб, и те становятся добычей промышленника; иногда же они сами в благодарность за сказки посылают богатую добычу. Вот почему артель в прежнее время старалась включить в свой состав человека, умеющего рассказывать сказки. Участие сказочников в промысле считалось настолько важным и необходимым, что он получал равную долю с охотниками-промышленниками. Особенно любили «хозяева» 'qatqylyg' — сказки фривольного содержания. Предполагалось, что чем неприличнее сказка, тем более она нравится «хозяевам».

Представления о «хозяевах» гор и воды нашли свое отражение также в сказках и героических поэмах.

Так, в героической поэме «Кан Кес» герой, Голый черный юноша, войдя внутрь горы, превращается в богатыря огромного роста и от «хозяина» горы получает коня.

В сказке «Одинокий парень» герой спасает сына «хозяина» воды, который, превратившись в рыбу, попал в сеть. За это «хозяин» воды призывает Одинокого парня к себе, дарит ему собачонку, которая становится затем девицей.

Животные, с которыми охотник-шорец повседневно сталкивался и от которых зависела его судьба и жизнь, естественно занимают большое место в рассказах и легендах.

Значительное число легенд и рассказов связано с медведем, который

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

Медвежьи мифы (стр. 28—33), как по форме, так и по тем представлениям, которые лежат в их основе, крайне примитивны и очень древни.[1]

В этих мифах часто говорится еще о собирательстве. Медведь является к женщине обычно в то время, когда она занимается собирательством.

«Женщина, кандык выкапывая, в пустынном месте медведя повстречала» (стр. 29).

«Когда одна женщина сарану копала, она медведя встретила» (стр. 31).

«Когда женщина кандык копала, к ней медведь пришел» (стр. 32) и т. д.

В них сохранилось еще яркое воспоминание об отношениях, существовавших при материнском строе. Когда женщина убегает от медведя, который ее похитил, она обычно направляется в род своей матери, к своим братьям, а эти считают своим долгом отомстить за свою сестру.

Родившийся от связи женщины с медведем ребенок живет, согласно шорскому мифу, вначале в роде своей матери, обычно у ее братьев, и помогает им на охоте. Лишь только впоследствии он уходит в тайгу жить с отцом.

Образ ребенка, рожденного от связи женщины с медведем, вариирует в разных мифах. Но это всегда полу-человек полу-зверь.

Многие легенды трактуют об особенностях характера и внешнего вида того или другого животного. Сюда относятся, напр., легенды, в которых объясняется, почему выдра не линяет, почему у глухаря красные глаза и др. В общем эти легенды свидетельствуют о тонкой наблюдательности шорца-охотника, который уже с детских лет привыкает подмечать мельчайшие подробности жизни зверей.

К этой категории легенд относятся и легенды о похищении огня, в которых главную роль играет птица.[2] Обычно говорится о чудесной птице ’qyjɣɣylyq quš’,[3] перья которой сверкают как лучи солнца. Человек, который услышит ее пение, долго не живет. Он должен умереть. Образ этой фантастической птицы мы находим и в героических поэмах.

Выкапывание корней дикорастущих растений играло прежде большую роль в хозяйстве таежных шорцев, особенно весной, когда дикие корни

1 См. В. Г. Тан-Богораз, К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений, стр. 45; журнал «Этнография», 1930, № 1—2.

2 Эти легенды, так же как и медвежьи мифы, являются очень древними и широко распространены у огромного числа народов в различных частях света. См. работу В. Г. Богораза «The folklore of North-Eastern Asia as compared with that of Western America», American Anthropologist, IV, 1902, стр. 693.

3 Ср. Вербицкий, Словарь, стр. 157; «qyjɣylyq (к.) — орел. По преданию, qyjɣylyq — всем птицам царь; с золотыми перьями; летает в небе; поет жалобно, — кто услышит заплачет».

были для массы населения основным видом пропитания. Это было по преимуществу занятие женщин и детей. Корни кандыка (Erythronium dens canis) и сараны (Lillium martagon) шорцы обменивали также на продукты скотоводческого хозяйства с соседними скотоводческими племенами. «Понеже они (татары каинского и кобыйского поколения), — писал Паллас в 1771 г., — к хлебопашеству не имеют способного случая, а скотом очень скудны, то все их пропитание сверх промысла зверей состоит из одних диких кореньев... Самые крупные и хорошие коренья добывают татары на Мразе и Кондоме живущие и отправляют их даже до Абакана».[1]

В фольклоре поэтому на ряду с охотой нашло свое отражение и собирательство.

«Та женщина со своим ребенком жила в верховьях реки Томи. В тайге кандык, сарану выкапывала. Так живя, ребенка своего, кормя, выращивала».

«Прежде брат и сестра жили. Старшая сестра кандык, сарану выкапывала, так питалась. Младший брат, в великой тайге зверя-птицу убивая, самострелы ставя, петли наставляя, охотился — так питался».

«Потом тот парень, на промысел отправясь, охотился. Матери своей птицу-зверя убив приносил. Мать его удивлялась. „Мать моя, говорил он, когда я маленьким был, ты меня корнями трав кормила; теперь же я тебя мясом стану кормить! Мясо зверей-птиц — пища богатыря, корни трав — еда голодных людей“».

В этих примерах ясно подчеркнуто и существовавшее в шорском обществе разделение труда: выкапывание корней было по преимуществу делом женщин, в то время как охота была занятием исключительно мужчин.

На ряду с ведущей, основной отраслью хозяйства — охотой, большое значение имело и рыболовство. «Главное их (шорцев рр. Мрассу и Томи) занятие, — писал Вербицкий в 1862 г., — зверопромышленность, рыболовство и вязанье неводов» (Выписки из журнала мисс. Кузн. отд. Алт. миссии В. Вербицкого. Христ. Чтен. 1862, стр. 553).

По данным 1900 г., рыболовством занималось 71.5 % шорских хозяйств на р. Кондоме и 38.7 % — на р. Мрассу. Местами (в низовьях рр. Мрассу и Кондомы и на р. Томи) рыболовство превратилось в основную отрасль хозяйства.

«Главным занятием их (шорцев низовьев р. Мрассу, в частности — жителей улуса Усть-Мрассу), — пишет Радлов, — является рыболовство, которое здесь прибыльно» (Aus Sibirien, т. I, стр. 346).

1 П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб., 1776, кн. III, ч. I, стр. 514 и 367.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

В верховьях рр. Кондомы и Мрассу и на их многочисленных притоках рыбная ловля, наоборот, имела подсобное значение и носила почти исключительно потребительский характер. Но и в низовьях рек рыболовство никогда не обеспечивало шорское хозяйство. «Рыболовство, — пишет Радлов, — не является выгодным занятием. Дохода от рыболовства едва хватает, чтобы прокормиться и одеться» (Aus Sibirien, I, 349).

Добывание рыбы из-под камней, ловля мелкой рыбы сачками — наиболее примитивный способ рыбной ловли, так же как и собирательство, были работой женщин и детей.

В рыбной ловле сетью участвовал обычно коллектив (часто родственный) и добытую рыбу делили поровну между участниками промысла. Иногда владелец сети получал лишнюю «долю» на сеть. Часто случалось, что богачи снабжали бедных, лишенных средств производства, шорцев сетями и за это забирали у них бóльшую и лучшую часть улова.

В рассказах и сказках, отражающих реальную бытовую обстановку шорцев, говорится и о рыболовстве. Так, в сказании о Шулбаеве герой идет на берег реки, čorug̃ šabarγa — перегораживает реку, чтобы добыть поднимающуюся вверх по реке рыбу. В сказке о «Самом маленьком сыне хозяйки воды» женщина добывает сачком мелкую рыбу (ölēn~ülēn). Стоя на отмели реки, она поднимает ногой со дна ил и тут же нечаянно ударяет самого маленького сына хозяйки реки, неловко запутавшегося у нее между пальцами. В сказке «Одинокий парень» рыбаки ловят рыбу сетью и вытаскивают щуку — сына хозяина воды. В одной из легенд о «хозяевах» воды парень пускает стрелу в рыбу, и стрела попадает в глаз хозяину воды, вышедшему поглядеть на свою рыбу.

Скотоводство у шорцев было слабо развито. А. В. Адрианов, путешествовавший по Кузнецкой тайге в 1880 г., писал: «Здесь (речь идет о долинах рр. Пызас[1] и Онзас) нет ни одной коровы, так что не только взрослые, но и дети никогда не видят молока».[2]

О жителях тех районов, где скотоводство было мало развито, слагались поговорки.

«На склоне горы снег не держится, у рода Калар скот не водится».

[1] Левый приток р. Мрассу.

[2] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны совершенное в 1881 году. Записки РГО по общ. геогр., т. XI, 1886, стр. 195 и 186; см. также Сибирская газета, 1881, № 38 и 39. Radloff W. Reise durch den Altai, Archiv für wissenschaftl. Kunde v. Russland, B. XXIII, 1865, стр. 41; Вербицкий В. Записки миссионера за 1861 г. Православное обозрение, 1862, стр. 36.

«Кыйцы — в берестяном казане воду кипятили. Сливки с нее сняв, питались. Казан развалился, род Кый — расселился».[1]

Зато богатые шорцы, особенно в низовье р. Мрассу и на р. Кондоме, имели скот, необходимый им как для сельского хозяйства, так и для завоза товаров в тайгу. Для ухода за скотом и для заготовки сена они обычно держали наемных рабочих — čalčy.[2]

«Это было в то время, когда отец мой бедняк был, когда был я čalčy у злого богача. У отца моего ни коровы, ни коня не было. У скверного богача скот был».

Противопоставление охотничьего промысла тайги скотоводству соседних районов Алтая и Минусинских степей — обычный мотив в фольклоре.

«Что лучше всего в белых Бачатах?[3] — В степи разводимый белый скот лучше всего! Что лучше всего в исчерна черной тайге? — Имеющий шесть когтей черный соболь лучше всего».

Наивное объяснение тому, почему у шорцев мало скота, а по соседству, в горах Алтая и в степях Хакассии, пасутся многочисленные табуны, дается в легенде о путешествии сыра — pyšlaq.

«Некогда сыр — pyšlaq — путешествовал по тайге, в горах Алтая и в Минусинском крае. Когда он упал в Минусинской степи и на Алтае, ему там подставили кожаный чапрак. Кожа не прорвалась и сыр не упал. В кузнецкой же тайге ему подставили берестяную подстилку — береста прорвалась и сыр упал. После этого сыр сказал, что на Алтае и в Минусинских степях будет водиться скот, а в тайге не будет». Легенда заканчивается следующим словами: «Если бы и у нас в тайге сыру чапрак из кожи подтянули, скот у нас также водился бы».

Некоторые легенды говорят о проникновении в тайгу скотоводства.[4] Обычно такие легенды начинаются описанием древнейшей хозяйственной стадии, предшествовавшей скотоводству, а именно стадии охоты и собирательства.

«Давным давно тому назад было. У подножья тайги, на берегу воды поставив юрту, мать с ребенком жили... Сын той старухи в далекой тайге

[1] В. В. Радлов. Словарь, т. IV, стр. 1027: «Кара шорцы кипятили воду и ели сливки с нее».

[2] В. В. Радлов писал: «Die Viehzucht (ул. Красный Яр, низ. Мрассу) ist hier nicht unbedeutend, da die Ebene sehr heureicht ist und auch wegen des Ackerbaues mehr Vieh gehalten werden muss». Reise durch den Altai. Archiw f. wissenschaftl. Kunde v. Russland, B. XXIII, 1865, стр. 42.

[3] Т. е. у телеутов.

[4] Ср. В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. II, 1868, стр. 1; И. Я. Никифоров. Аносский сборник. Записки Зап.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XXXVII, 1915, стр. 65.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

на зверя-птицу охотился... Та старуха недалеко от юрты кандык и сарану выкапывала».

Далее идет рассказ о появлении скота. Причем в одних легендах к стойбищу неизвестно откуда вдруг прибегает конь, и герой-охотник, принимая коня за дикое животное, натягивает свой лук, чтобы застрелить его. В других же — таежные жители сами, из-за уменьшения зверя и диких корней, оказываются вынужденными спуститься в степи, где они находят много скота.

«Мать и сын долго жили... Опять сильный ветер ворвался. Бело-сивый конь откуда то прибежал... Взяв того коня они из тайги вышли; разбогатев жить стали».

Или:

«В тайге зверя-птицы много было. В тайге кандыка, сараны много было. В тайге зверя-птицы мало стало, кандыка-сараны мало стало. С голода что ли нам умирать? пойдем-ка мы! — так сказали. Из тайги пошли... Спустившись в степь, там жить стали».

Этот последний мотив, по всей вероятности, находится в связи с переселениями, которые шорцы предпринимали во время голода «за хребет», в Минусинскую степь. Еще в XVII в. киргизы на требование русских вернуть ушедших из кузнецкого ведомства их киштымов (данников) шорцев — «чтобы они (т. е. киргизы) — тех Кузнецкого уезда мрасских и кондомских ясачных людей у себя не держали, а отослали их от себя, от киргиз, в Кузнецкий уезд, на Мразу и на Кондому на старые их кочевья» — отвечали: «мрасские и кондомские люди — киштимы наши киргизские и пришли де к нам кормиться».[1]

О таких переселениях помнят еще многие старики. Рассказы о переселениях говорят о причинах переселений довольно однообразно. «Белки не было. Промысел был плохой»; или: «Хлеб вымерз, градом побило» — вот обычные мотивы переселений из тайги в степь.

Сопротивление, которое встретила в тайге нарождающаяся новая хозяйственная форма — скотоводство, ярко отразила легенда о «Двух быках», известная шорцам как Горно-Шорского района, так и Хакассии.

«Два быка по шорской тайге шли. Они возвращались из Абаканской степи по направлению к Алтаю. Им по непроходимой тайге итти тяжело было. Рога за деревья зацеплялись, итти не могли. Копыта корни деревьев

[1] Грамота Томским воеводам кн. Кольцову-Мосальскому и Молвянинову об убеге ясачных Кузнецкого ведомства к киргизам 1643 г. Ноября 12. Исторические акты XVII столетия изданные Инн. Кузнецовым, Томск, 1890, № 4.

задевали, упавшие колодины дорогу преграждали. Когда они на хребет гор поднимались и по горам хотели итти, — хозяева гор итти им не давали, в свои горы утащить их хотели. Когда они спускались к рекам и по берегу рек итти хотели, — хозяева рек берегом им итти не давали, хотели затащить их в воду».

Духи хранители старого порядка и враги всего нового, «хозяева» гор и вод, всячески препятствуют проникновению в тайгу «двух быков» — предвестников новой хозяйственной формы, стараясь задержать их шествие.

Появление скота вызывает всеобщее удивление.[1]

«Охотник, увидя проходящих через тайгу огромных быков, очень удивился и закричал:

Абу, с какими огромными рогами звери в нашу землю пришли... Из какой земли могли притти такие звери! Как бы ни пришли они из земли айна!»

«После снова прошло девять лет, другой народ туда воевать пришел. Пришли люди на лошадях. Та женщина, их увидев, удивляясь кричала: „Смотри! скот с каменными копытами, с камышевыми ушами сюда как пришел!“»

В фольклоре отразилось двойственное отношение охотников и собирателей к скотоводам и к степной жизни. С одной стороны — зависть к многочисленным табунам степняков[2] и восхищение привольем и простором степи,[3] с другой — любовь к своей тайге[4] и презрение к быту и пище скотоводов.

[1] Такое же отношение к скоту отмечено у охотничьих племен Минусинского края, у которых скотоводство было мало развито, а именно у бельтиров и койбалов. В преданиях бельтиров говорится: «Когда бельтирам привелось впервые увидать лошадей, то они крайне удивились их копытам». Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Записки по Отд. этнограф. Русск. геогр. общ., 1909, т. XXXIV, стр. 82.

Предание койбалов рассказывает, что «колено Чоңмай в древности, боясь мычания коров, забиралось на верхушки берез». Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897, стр. 82.

С. Майнагашев сообщает о роде Чоңма, который он считает родственным исчезнувшему уже койбальскому племени «кистим», следующее: «род Чоңма боялись коров, думая, что у них штыки на голове». Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3, 1914, стр. 110.

[2] Бедные скотом койбалы с завистью говорили Кастрену: «У них, т. е. у качинцев, в течение всего года водится айран и кумыс, и скот кишит подобно муравьям около их юрт». M. Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. СПб., 1856, стр. 306.

[3] Когда шорец переезжал через хребет в степь, он долго обычно стоял, окидывая взглядом широкий простор и повторял: mayat čer! — роскошная земля!

[4] См. частые упоминания в древне-орхонских надписях о привязанности и любви «лесников» к своей тайге.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

«Там (т. е. в степи) живет народ, который айран пьет, в молоке руки моет!»

«Сидя в седле пьют они айран, сидя за столом кумыс пьют».

«То была широкая степь, роскошная привольная земля!»

«В тайге если умру, умершие кости в родной тайге лежать будут; в степи если умру, умершие кости в чужом песке лежать будут!»

«Молоком ребенка не души! Молоко для таежного человека разве пища!»

Посланцы киргизских князей, джунгарского кон-тайши и монгольского Алтын-хана с давних пор вторгались в тайгу и требовали от шорцев албана — дани. Шорцы принуждены были отдавать в албан добытую ими пушнину, железные изделия и даже ячмень со своих крошечных посевов.

«. . . киргизы, — пишет Миллер, — яко хищный народ к их жилищам подъезжали, и тогда сии татары откупались у них подарками, а именно давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее для освобождения себя от полону или от горшего еще злоключения» (*Описание Сибирского царства*, СПб., 1787, стр. 334).

Посланец джунгарского кон-тайши «во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на кон-тайшу алман . . . и в подгорной в Забийской волости ясачным людям угрожали: буде вышепомянутого алмана всего не изготовят и за то их ясачных хотели перевешать и хлебы их пожечь, и о том в Кузнецку от них ясачных иноземцев есть многие избиты . . .» (Памятники Сибирск. истории, кн. II, 319).

В легендах и сказаниях шорцев говорится о таких грабительских набегах. Называются какие-то неизвестные народы Чот или Шот, исторически известные народы, в первую очередь киргизы, или же говорится глухо о ханах степи (подразумевается, видимо, Абаканская или Енисейская стель).

Жестокость таких набегов, независимо от имени нападающих, передается с поразительным однообразием.

«Народ Шот приходил, народ убивал, албан брал».

«Хан степной стороны мясо с боков свертывал на спину, так плетью стегал. Мясо спины свертывал на грудь, так их бил».

«(Киргизы) тех людей прутьями стегали, требуя от них хлеба».

В этих легендах рассказывается, как напуганные шорцы убегали от грабителей и прятались в лесах, среди скал. В них говорится также о выступлениях шорцев против вторгающихся в их тайгу, об объединении родов в борьбе с врагами, о богатырях — заступниках за своих сородичей, — чьи богатырские стрелы «летали выше облаков, перелетали через высокие хребты».

С такой же жестокостью вторгались в тайгу и казачьи отряды, посылавшиеся царским правительством для объясачивания шорцев.

В наказах воевод при обложении шорцев данью — ясаком предписывалось:

«Буде которые кузнецкие ясачные люди ясаку государю давати не учнут . . . над теми кузнецкими и над колмацкими людьми промышляти сколько милосердный бог помоги даст . . .» (Сб. кн. Хилкова, стр. 192).

Царское правительство выкачивало ясак, в основном пушнину (соболей и все то, что шло в «соболей место»), всеми средствами. На сборе и сдаче ясака наживались как русские чиновники в городах, так и свои шорские паштыки, эсаулы и т. д.

И поэтому совершенно понятно нам следующее свидетельство о шорцах, относящееся к XVII в.:

«Там живут некие странные и пугливые люди народа татарского, кондобская и иные некие орды» (Русское государство в половине XII в., стр. 16), — свидетельство, повторенное много лет спустя акад. В. В. Радловым, посетившим шорцев в 1861 г.: «Робкие и боязливые они убегают от каждого чужого» (Aus Sibirien, стр. 350).

Угнетавшиеся веками русскими чиновниками и торговцами и своими паштыками и баями, шорцы в Октябре 1917 г. получили освобождение вместе со всеми народами царской России. Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая национальную рознь и национальное угнетение, сделала шорцев равноправными гражданами Советского Союза. Отсталая царская колония, Кузнецкая тайга, превратилась в 1925 г. в национальный Горно-Шорский район.

В глухой, едва проходимой тайге зажглись огни социалистического строительства. Шорцы, столетия ступавшие по неизмеримым богатствам своих гор и голодавшие на неведомых богатствах, стали хозяевами их и рука об руку с русскими рабочими спустились в шахты и рудники, чтобы добыть оттуда уголь, железо и другие ископаемые для нужд страны. На берегах рек, в долинах выросли колхозы; на склонах гор, где некогда день за днем женщины и дети вскапывали жесткую почву мотыгой-абылом, прошел конь, а в широких долинах «загрохотал неведомый прежде трактор». Шорцы-охотники, бродившие полуголодными в тайге с самодельными ловушками и старыми изношенными дедовскими ружьями в поисках пушного зверя и отдававшие его за старый долг торговцу, объединились в охотничьи артели. Снабженные усовершенствованными орудиями промысла, они из года в год выполняют и перевыполняют план пушных заготовок.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

Вместе с зажиточностью пришла в тайгу и культура. Шаманы с их дикими камланиями отошли в область прошлого. Почти поголовно неграмотные шорцы успешно идут к полной ликвидации неграмотности. Школы густой сетью покрывают тайгу.

Новая советская действительность вызвала к жизни новые произведения народного творчества, живо и ярко отразившие великие сдвиги, происшедшие в Горно-Шорском районе за годы советской власти в области хозяйственного и культурного строительства.

4

Переходя к специальному рассмотрению героических поэм, необходимо указать прежде всего на их поразительное сходство, доходящее иногда почти до полного тождества, с героическим эпосом других алтайских и енисейских тюрков.

Это сходство объясняется, по всей вероятности, отчасти тем, что шорцы в течение продолжительного времени находились с алтайскими и енисейскими тюрками в интенсивных экономических отношениях; кроме того, по имеющимся данным можно даже предполагать о существовании древней родственной связи между отдельными родами этих народов. Так, напр., мы находим у шорцев и у сагайцев общие названия для родов Кобый, Карга и др., причем представители этих родов называли прежде друг друга qaryndaš kiži ~ qaryndas kizi, т. е. «брат-человек» или «единоутробный человек».

Содержание героического эпоса шорцев резко отличается от выше рассмотренных образцов шорского фольклора.

В эпических поэмах, если и встречаются упоминания о тайге, которая вырастает выше облаков, и о героях, охотящихся на диких коз, оленей и маралов с луками и стрелами, все же наиболее ярко вырисовывается быт хана, владельца огромных стад.

Основной тематикой всех поэм является борьба героя со своим противником или противниками. Эта борьба может не прекращаться со смертью героя, а часто продолжается и после его смерти его сыном, племянником, каким-либо другим родственником или другом. Мотивы борьбы различные. То герой ведет ожесточенную борьбу против могущественного хана, вторгшегося в чужие владения, разрушившего стойбище, захватившего скот и наложившего дань на народ, то он мстит за убийство своего родственника или друга, то он заступается за более слабого богатыря, ставшего жертвой хана, то он выступает, как поборник справедливости, против насилия и произвола. Иногда же борьба возникает из-за похищения женщины, из-за насильственного увода жены, сестры или дочери героя, из-за соперничества в овладении женщиной. Местом действия является обычно степь без границ, берег моря, подножье горы-тайги, где стоит ханский дворец.

В эпических поэмах нашло отражение развитое скотоводство, хан выступает как владелец многочисленных стад. Его скот сравнивается со звездами на небе, с галькой на реке, с россыпями камней в тайге.

«Народ стоит как черная тайга, скот лежит как пестрая галька».

«У подножья белого таскыла, словно белые гниды, скот стоял. Подданным народом правящий, белого скота счета не знающий один хан жил».

«У подножья белой горы, белый скот, словно звезды на небе, рассыпался».

Эпитеты «бесчисленный», «счета не знающий» обычны при описании ханских табунов.

«Счета не знающий скот лежит, счета не знающий живет народ. Нехватает подданному народу земли, чтобы жить, белому скоту, чтобы пастись, нехватает травы».

Увеличение своих стад — главная забота хана. Для этого он совершает постоянные набеги, воюет с другими ханами.

«В далекий путь я отправился, чтобы скот семи ханов, юрты их разрушив, в свой юрт пригнать! — хан сказал».

«К платящему дань своему народу народ семи ханов присоединил, к пасущемуся в юрте белому скоту скот семи ханов прибавил».

«Если в течение шестидесяти лет я вернусь назад, то, прогибая землю, пригоню скот Кара Мюкю, запружая степь, народ Кара Мюкю пригоню».

«Кан Мерген каменный очаг Кара Мюкю разламывает, море-золу разбрасывает. Жилое стойбище усыпив, малое стойбище (скот) ржать заставляет. Кан Мерген белый скот и подданный народ Кара Мюкю, подняв с места, в свою собственную землю угоняет. Кан Мерген скот и народ гонит. Великий 'кай' наигрывает, великую песню поет. Впереди идущий скот, травою питаясь, идет, сзади идущему скоту нехватает травы, чтобы пастись, он красную почву лижет. Когда скот через белое море перегоняет, то впереди идущий скот воду пьет, сзади идущему скоту воды нехватает; песок облизывая, он переходит».

Покорение хана и угон его табунов ставил его в положение пастуха, стерегущего стада победителя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/...03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

«Если чистой души тебе жалко, твой белый скот гони, твой подданный народ гони! Если ты в мою землю отправишься и там белый скот мой будешь пасти, чистую душу твою я пощажу! Если же ты не захочешь гнать ко мне твой белый скот и подданный народ, стройный стан твой в девяти местах я переломлю!»

«Кан Мерген великим рыданием рыдает, великим огорчением огорчается. Если Шайгын Мерген в живых останется, мне, Кан Мергену, так и придется пастухом умереть, охраняя скот Шайгын Мергена».

Хан, не имеющий потомства, горюет о том, что его скот перейдет в чужие руки.

«Ай Кан, за золотым столом сидя, в великий плач вступил: Ребенка не имеющий, несчастный человек я, нажитый мною скот в руки чужого человека перейдет. Когда умру я, через великий хребет белый скот мой погонят, подданный народ мой погонят».

«Тяжелое время придет, станешь ли, зять мой, заглядывать-заступаться, чтобы нажитый в жизни белый скот не попал в чужие руки!»

У каждого хана есть свой čurt[1] — юрт-стойбище, в котором стоит его золотой дворец, где пасется его скот и живет подданный народ. Из этого стойбища хан отправляется в свои походы, туда же он гонит завоеванный им скот и народ.

После смерти хана его юрт вместе со стадами и подданным народом переходит к его потомкам.

«Не осталось разве богатыря-потомка (tölü) у Кök Кана, чтобы юрт его восстановить, чтобы белый скот его обратно вернуть и подданный народ его собрать?»

«Ак Кан в великий плач вошел. Не имеющий ребенка старый человек я, юрт мой одиноким, покинутым останется!»

Враждующий хан разрушает юрт-стойбище своего противника.

«Чтобы за отца отомстить, усыпив жилое стойбище, заставив ржать малое стойбище твое, белый скот твой угнать я пришел!»

---

[1] jurt — место жительства, стоянка, жилище, страна, народ. Радлов, III, 548. 'jurt' — народ, стойбище, государство, царство. Вербицкий, 103.

'yurt' — по объяснению акад. Владимирцова — «район, территория, принадлежащая одному роду». «Территория, на которой обычно кочевала какая-нибудь социальная единица, — пишет Б. Я. Владимирцов, — называлась nuntux или nutug по-монгольски и yurt по-тюркски; слова эти обозначали также становище — место жительства». «Yurt, т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину 'noyan' или царевичу 'köbegin'». Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 57, 158.

«Каменные очаги разбил, море золы разбросал. Жилое стойбище усыпил, малое стойбище ржать заставил. Камни очага разворотил, казаны опрокинул».

О разрушенном стойбище говорится:

«На том месте, где скот стоял — жгучая крапива выросла; на том месте, где народ жил — зеленая трава выросла. Голосистый соловей лишь щебечет. Белый скот весь угнали, подданный народ весь угнали».

Ханам, угнетающим народ, разоряющим чужие стойбища, противопоставляются богатыри, которые «чужих жалеют, за неродных заступаются», которые делятся своей охотничьей добычей с народом, которые «коней неимеющим коней дают, пищи неимеющим коров дают, одежды неимеющим одежду дают».

В образах этих богатырей, борющихся с ханами насильниками, заступающихся за обиженных, воплотилась борьба угнетенного народа против своих поработителей, чаяния народа, его мечты о лучшей жизни, об уничтожении притеснений, обид и насилия. Сочувствие сказителя и слушателей всегда на стороне героев, выразителей народного гнева, народных чаяний и надежд.

В юрте-стойбище хана живет платящий дань народ — albatqy čon. Количеством платящего дань народа измеряется могущество и сила хана.

«Посреди белой степи, средь народа, платившего дань, солнцем, луной освещенный, дворец золотой стоит».

«У подножья царя тайги, по берегу царя моря, углами юрт своих наступающий друг на друга живет дань платящий народ».

«Подданный народ, албан принесший, как черная тайга стоит».

Когда отдельные ханы воюют между собою, тот, кто оказывается сильнее, уводит народ покоренного соперника к себе, и народ этот отныне должен платить ему дань.

albatqy čon покоренного хана перегоняется в čurt победителя и продолжает платить албан, но уже другому хану, хану-победителю.

Дань с народа взимается ханом с невероятной жестокостью.

«Это была земля, куда шестьдесят богатырей дань принося, входили; это была земля, откуда семьдесят богатырей, подать отдав, назад выходили. Заплатившие подать богатыри со смехом выходят. Богатыри, полностью не заплатившие дани, со слезами выходят. Из их спин ремни в семь пальцев шириною выдирали».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

Но народ протестует против произвола своего поработителя-хана. Устами своего героя-богатыря он говорит:

«Разве мало ты белого скота угнал? Разве мало ты подданного народу угнал? Разве мало стойбищ ты разрушил? Разве мало дани забрал? Теперь стан твой стройный переломлю — я!».

Кроме главных действующих лиц — ханов, богатырей и народа, платящего дань — в героическом эпосе фигурируют еще пастухи ханских многочисленных стад, mātyr tas.[1]

«Это увидев, Ак Кан из золотого дворца вышел. Сорок тасов (т. е. пастухов) позвал, сорок топоров им дал, тридцать тасов позвал, тридцать топоров им дал».

Пастухи, пасущие ханские табуны, охраняющие главное богатство хана, выступают иногда как его доверенные лица.

«Кан Мерген стерегущего скот Матыр Таса к себе позвал и сказал: Так, мой пастух, Матыр Тас! Я, Кан Мерген, мою сестру, Кан Арго, искать еду. Пока не найду сестры, Кан Арго, в эту землю назад не приеду. Пока я не вернусь, — ты ханом будь и управляй!»

На ряду с matyr tas'ами упоминаются чайзаңы — čajzaң.[2] Значение термина čajzaң забыто и осмысляется сказочником, как хранитель стад хана, слуга, прислуживающий на пирах, доверенный хана.

«Великая свадьба была. Чайзаңы, разделяя мясо, богатырей угощали. Поднося чашу, которую шестьдесят человек вышить-опорожнить не могут, богатырей угощали».

В некоторых поэмах чайзаңы выполняют такие же функции, какие в других поэмах выполняют пастухи.

---

1 mātyr ~ bātyr — богатырь. tas — гладкий, голый, безволосый, плешивый, tas paslu (Bar) — паршивый. Радлов, III, стр. 915. В примечании к телеутской сказке Козика и Баян Силу говорится: «тасом называют мальчика, голова которого острижена, чтобы предупредить от паршивости. Это делается с мальчиками осиротевшими, которым приходится расти без материнского общества». Труды Томского общества изучения Сибири, т. III, вып. 1, 1915, стр. 83.

Может быть пастухи получили название tas потому, что они обычно вербовались из неимущих слоев населения, из сирот.

2 čajzag (Sag) — служитель, чиновник царя; jajzan (Alt, Leb, Tub, Tel) — зайсан, высший начальник алтайских калмыков. Радлов, III, 14, 1830. zajzan ~ čajzan у монголов — одно из лиц феодальной иерархии. Владимирцов, назв. соч., стр. 84.

«Zajzaң — второе привилегированное сословие белой кости». О. И. Леонтович. Древне-монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (стр. 57. Одесса, 1879). Зайсанам (sajzaң) алтайцев у шорцев соответствовали паштыки (pastyq) — административные лица, собиравшие албан, производившие суд и т. д. Термин čajzaң в шорском языке значит красивый, видный (напр. maγat čajzaң aγaš poldu—очень красивое дерево было. См. также Радлов, III, 1830), сказочники иногда объясняют čajzaң как красивый, полный, солидный человек. См. упоминание о čajzaң у Радлова, Образцы, т. I, стр. 350, пер. 344.

«Слугам (чайзаңам) распоряжение дал: Чалого жеребца весь табун заколите и, накрошив (мясо), пир устроите, гнедого жеребца весь табун заколите и, изрезав, пир устроите!»

«Кара Пурба и Алтын Сабак мальчика на бело-серого коня посадили и в его стойбище-землю отправили. Белый скот и подданный народ шести чайзаңам в руки отдали и в землю Алтын Тайчи отправили».

В героическом эпосе встречается и термин раб — qul.[1]

«Кан Мерген, сказав „Какого человека собака ворчит, какого человека раб разговаривает!“ — даже косо не посмотрел».

«Өлең Тайчи, увидев, зубами заскрипел: „Стой, негодный!.. Что (это) за собака, что за раб!“»

В поэмах фигурируют и кузнецы. Кузнечество, которое уже очень давно было известно на Алтае, в частности на Северном Алтае, в Кузнецкой тайге,[2] также естественно нашло свое отражение в героическом эпосе.

«С великого хребта глянул, земли он Кара Мюю достиг. В этой земле стук девяноста молотов через твердые мозги насквозь проходит. Внутри черного города, в этой земле раскинувшегося, девяносто кузнецов куют. Девяносто кузнецов оттуда вышли. В девяносто щипцов богатыря, имеющего спину с тайгу, защемили и в черное море свалили».

В некоторых поэмах прямо подчеркивается имущественное неравенство.

«На великую свадьбу народ собирается. Семидесяти ханов народ весь собирается. Надевшие истертые, в заплатах шубы — на лыжах, не подбитых шкурами, приходили, из разноцветного шелка шубы надевшие — на гнедых конях приезжали».

«После того как много ли, мало ли времени прошло, лежавшее на бересте мясо истощилось, — весь народ разошелся, дно казанов зазвенело и народ разошелся. Люди, которым достались мозговые кости, прославляя, возвращаются. Те, кому достались кости с хрящами, проклиная, возвращаются».

---

1 Слово 'qul' в героических поэмах имеет всегда оттенок ругательства. В обычной речи термин qul встречается редко, слово qul имеет иногда значение: слуга, батрак.

См. о рабстве на Алтае и особенно в Джунгарии — Шашков. Рабство в Сибири. Собрание сочинений, т. I, 1898, СПб., стр. 50. Дело, 1864, № 1—3; Материалы по истории Сибири. Чтения в имп. Об-ве истории и древностей российских, 1866, книга 4-я; 1867, книга 1-я и 2-я; Памятная книжка Зап. Сибири, 1882.

2 О добыче руды на Северном Алтае имеются многочисленные исторические свидетельства. См., напр., Миллер, Описание Сибирского царства, 1787, стр. 335: «Живут они (кузнецкие татары) в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецкими, потому что железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащие к звериному промыслу орудия».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

«Те, которым достались кости с жиром, благославляя, с пира возвращались. Те, которые грызли сухие кости без мяса, проклиная, возвращались».

В связи с характером общества, в котором оформлялись героические поэмы, находится то, что в последних отсутствует термин 'sök' — род. Вместо него мы все время встречаем термин töl,[1] в значении: потомки того или другого хана, владеющие наследственно его юртом, скотом и albatqy čon'ом. Точно так же место терминов 'sök kiźileri' — 'сородичи', 'qaryndaš kiźi' — 'братья', занял в героическом эпосе термин 'albatqy čon' — народ, платящий албан.

В богатырском эпосе, в котором, как мы видим, отражены главным образом отношения, возникшие на базе развитого скотоводческого хозяйства, мы, однако, находим и отголоски более ранних хозяйственных форм и более примитивных социально-экономических отношений.

Охота — одно из любимых занятий богатыря-хана.

«На бело-рыжего коня он сел, в белую тайгу отправился. В белой тайге охотился. Горных зверей на горе убивал, водяных птиц на воде убивал. Из зверей на жирных охотился, тощих он отпускал. Из птиц жирных убивал, тощих отпускал. У подножья белой горы проезжая, на зверей охотился, по берегу черного моря проезжая, на птиц охотился».

Причем, и это особенно интересно, при распределении продуктов охоты опять воскресает воспоминание о нормах распределения, господствовавших в примитивном охотничьем хозяйстве: хан богатырь берет себе лишь часть добытых на охоте зверей и птиц, остальное он отдает подданному народу.

«Поднявшись в свою тайгу, где он всегда охотится, Ак Кан видит: летают птицы крылатые, небо закрывая, бегут звери, имеющие раздвоенные копыта, степь запружая. Из зверей жирных выбирая, Ак Кан стрелял. Из птиц жирных выбирая, стрелял. Добычу навьючил на бело-сивого коня и (в свое стойбище) возвращаться стал. Половину зверя-птицы подданному народу отдал. Половину зверя-птицы в золотой дворец привез».

«Кök Кан, подножьем горы проезжая, зверей убивал, берегом моря проезжая, птиц стрелял. В свой юрт возвратясь, большую часть убитых зверей-птиц подданному народу, разделив, дал, маленькую долю в золотой дворец внеся, старшей сестре Кök Арыг подал».

Пережитки былой родовой собственности на охотничьи угодья могут быть усмотрены в словах богатырей, протестующих против

[1] töl (Alt, Tel) — плодовитость, (Sag) — потомство, дети, поколение, род. Радлов, III, 1260. töl, töle, tölö, tölü, tölge — поколение, род. Вербицкий, 367. О термине töl см. в примечаниях.

вторжения чужих богатырей в их тайгу. Обращаясь к нарушителю границ его владений, хан говорит:

«Что ты за богатырь, что в чужую тайгу промышлять едешь?! Всякий из богатырей в своей отцовской тайге на зверей и на птиц пусть хотится!»

Имена богатырей «Мерген»[1] — «Меткий стрелок», «Мökö»[2] — «Силач» осходят к тому состоянию общества, когда в расчет принималось не имущественное положение человека, а преимущественно его личные качества и заслуги.

Герои ханы говорят, как правило, не только о тöл'е отца, но и тöл'е матери:

«В течение девяти поколений отцов он врагом моим был, в течение девяти поколений матерей моих он противником моим был. Теперь юрт-стойбище его я разрушу!»

«Разве Кюмнюш хан из тöл'я отца твоего будет, что ты ради него дерешься; разве он из тöл'я твоей матери будет, чтобы ему помогать».

В эпосе часто упоминается о том, что хан живет вместе со своей сестрой —

«Внутри золотого дворца хан воронов, черного подданного народа начальник, имеющий старшую сестру Кан Арго, — Кан Мерген живет»;

что хан привезенную с промысла добычу отдает сестре —

«Свою добычу Кара Кан в золотой дворец внеся, сестре своей Кан Арыг подал»;

что сестра хана заботится о его браке —

«Это услышав, Алтын Тана говорит: „Итак, единственный брат мой, до старости дожить, не женясь, разве ты думаешь? Невеста, которую ты должен взять, скоро попадет в чужие руки, а ты, в золотом дворце прозябая, живешь!“»

Отмечаются особо дружественные отношения между ханом и его сестрой —

«Кан Кök своего старшего брата, Чаш Салгына, не может найти. Весь этот свет кругом объехала».

«Говорит Кан Мерген: „Так, мой кроваво-рыжий конь. Если сейчас из нашей земли, перешагнув, отправимся, то пока не найдем моей сестры, снова

[1] Мäрбäн (Tel) — стрелок, мерган (Kir, Sag) — стрелок, тяжелый, важный, сильный.
[2] Мökö (sag, koib) — сильный, pökö (Alt, Tel, Leb, Sch) — сильный, храбрый, силач, сила. Радлов, IV, 21, 29, 2094. Ср. также Владимирцов, 63.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyerenkova_1940/
© МАЭ РАН

в эту землю не войдем. Буду ездить, пока не отпадут твои, кроваво-рыжего коня, четыре копыта. Если не найду Кан Арго, сестры моей, мои два плеча, лежа на черной земле, пускай сгниют!“»

Встречается наименование ханов не только по имени отца, но и по имени матери —

«Старик пришел и имя мальчику дал: „Ты будешь имеющим отца Аба Кулак, имеющим мать Ай Сабак“»;

по имени сестры —

«Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго»;

«Кан Кылыш в юношеском возрасте был; он был имеющим старшую сестру Кан Арыг».

Все это бесспорно указывает на пережитки материнского рода, когда человек называется по матери, принадлежал к роду своей матери и теснейшим образом, естественно, был связан со своей сестрой.

Очень возможно, что в сюжете борьбы богатыря с братом своей невесты за обладание ею следует усматривать отголосок того отдаленного времени, когда брачное право на сестру принадлежало ее брату. Так, напр., в богатырской поэме «Алтын Картыга» герой Алтын Чӧбе едет отыскивать свою невесту Кара Пурбу. Кара Пурба сидит во дворце своего старшего брата, Кара Сипечина, и «великим плачем рыдая, говорит: Меня, Кара Пурбу, ребенка Кара Кана, имеющего чистый разум, мой старший брат, Кара Сипечин, в то время, когда мне было три года, украл и к себе привез. Если предназначенный мне в мужья Алтын Чӧбе не придет, всю жизнь я, Кара Пурба, должна буду жить в земле Кара Сипечина! — Так говоря, великим рыданием рыдает, великим огорчением огорчается. Алтын Чӧбе рыдание Кара Пурбы услышав, не в силах был больше выдержать. Я здесь! — он закричал. Алтын Чӧбе в золотой дворец вошел, к спящему Кара Сипечину подошел; он вытянул руку, достигая ею до потолка, и бьющееся сердце храпящего Кара Сипечина наметив, опустил (ее)». Далее рассказывается, как герой сражается с братом своей невесты, Кара Сипечином, убивает его и увозит Кара Пурбу в свой юрт.

В эпосе нашли также свое отражение древние обычаи, связанные с побратимством, заключением мирного союза или договора.

«Обменялись друг с другом стрелами, разрезая большой палец, кровь друг у друга сосали. Они стали друзьями, ближе пары рогов».

«Двумя друзьями, как пара рогов, они становятся, золотыми пулями обмениваются. Палец разрезав, друг у друга кровь сосут».

В богатырских поэмах выявлены также и религиозно-магические представления, существовавшие в тот период, когда эти поэмы слагались. Так, напр., представления о подземном мире, о злых духах — айна, о сверхъестественном рождении богатырей и т. д. Это более древний пласт героического эпоса, уходящий своими корнями в далекое прошлое. Из глубины этого прошлого пришли все эти народные герои — Мерген и Мӧкӧ — храбрецы, сражающиеся в опасных поединках, защитники беззащитных, смелые, искусные охотники, своей добычей делящиеся со своим народом. Оттуда же вся фантастика этих поэм, подземный и надземный миры, населенные духами и чудовищами.

Героические поэмы, на той стадии, на которой мы их наблюдаем у шорцев, представляют полустихотворные, полупрозаические произведения. Обычно стихотворный текст поэмы прерывается весьма значительными вставками прозаического текста. Надо отметить, что большая или меньшая сохранность ритмики героических поэм зависит в значительной степени от одаренности и памяти сказителя.

Героические поэмы различны по длине и структуре; они могут включать один эпизод или звено за звеном ряд эпизодов, причем отдельные эпизоды часто общи для ряда поэм.

Рассказывают героические поэмы специальные сказители, qajčy, из коих каждый имеет свой репертуар и свой напев. Рассказывают поэму нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента, qaj qomus. Хорошие сказители пользуются известностью и к ним относятся с уважением. Рассказывание богатырских поэм у некоторых сказителей является как бы потребностью.

«Рассказать сказку» по-шорски — nybaq salarγa, т. е. «класть сказку» или nybaq yzarγa, т. е. «посылать, отправлять сказку» или «сопровождать сказку». Сказочники часто говорят: «men nybaq ysčytqamda — saγγžym nybaq-pa ajłan-parybysča» — «Когда я посылаю сказку (т. е. рассказываю), мой ум (т. е. мои мысли) со сказкой, кружась, уходит». Или: «mēn saγγžym nybaq colu-ba pardy» — «Мой ум по пути сказки отправился».

Если у сказочника настроение бодрое, веселое, он выбирает в качестве главного героя поэмы удачливого богатыря, такого, который по ходу рассказа оказывается победителем и, называя его, прибавляет слова pistiŋ ałybys — наш богатырь, или mēŋ ałybym — мой богатырь. Если же сказочник опечален, огорчен, он выбирает богатыря, который по ходу событий погибает.

Настроение, внимание слушателей крайне важно для сказителя. Поощрительные выкрики, возгласы сожаления или радости, поддакивания создают

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН

у сказителя приподнятое настроение, и его рассказ течет плавно и связно. Наоборот, если присутствующие начинают разговаривать между собой или, хуже того, засыпать, сказитель начинает путать рассказ, теряет нить и быстро утомляется. «Кайчи языком узнает, кто спит» — говорят шорцы. Вот почему при окончании поэмы, когда сказитель начинает «делить удачу» между присутствующими, он говорит: «Сидя слушавшим целая доля пусть достанется, лежа слушавшим полдоли пусть достанется!» Если внимание присутствующих ослабевает, сказитель старается каким-нибудь неожиданным оборотом речи, смешным выражением усилить интерес к поэме. Про хорошего сказителя говорят: «Такой сказочник был, что, когда он кайлал, старики плакали». И действительно, часто во время рассказывания богатырской поэмы, когда любимый богатырь попадает в беду, на глазах у сказителя и присутствующих выступают слезы и со всех сторон доносятся выкрики огорчения и опасения за судьбу героя.

Когда сказитель, пропев одно или несколько двустиший, излагает содержание пропетого, присутствующие поддакивают, выкрикивая: «čē, čē!» — «да, да!» или «ede-ede» — «так, так!» или «andig polγan!» — «так, так было!»

На некоторые магические свойства, приписываемые этим поэмам, вернее концовкам этих поэм, указывает обстановка, при которой рассказывают эти поэмы, и запреты, с ними связанные. Обычно сказитель оканчивает свою поэму словами —

«uzun tep, qysqartpadym, qysqa tep, uzartpadym! uqqan körgenim-me ajt-perdim. ałybym pojunuq čerinde abyr qazyq čatsyn! pojunuq yryzynqastaγyn piske perzin» — «Длинное не укорачивал. Короткое не удлинял. Все что видел и слышал — рассказал. Мой богатырь в земле своей пусть живет! Счастье, удачу свою нам пусть дает!» или: «qan qastaγyn qabyra čygdym, qara pajba kire teptim. es qastaγyn ebire čygdym, enig pajba kire teptim. araldaq kelip aq qozan tuttum. aq qozanγa čük tartyp, po čerge čettirdim. odurup uqqan kižilerge tjuq pölüš čettirdim, čadyp uqqan kižilerge čardyq pölük čettirdim» — «Хана удачу-счастье, соединяя в одно, я собрал, в черный мешок запихал; счастье, удачу кругом я собрал, в широкий мешок запихал. В кустах я белого зайца поймал. На белого зайца навьючив, в эту землю доставил. Сидя слушавшим людям полные доли доставил, лежа слушавшим людям полдоли доставил!» или: «mynda čyłγan čaqšyłaryma pozumnuq nybaγym pöl-pergem» — «Здесь собравшимся моим хорошим мою [собственную] сказку, разделив, дам».

Днем сказители обычно не рассказывают героических поэм. Если же иногда и рассказывают, то без концовок. Героические поэмы, как правило, рассказывают после наступления темноты, причем считается необходимым начатую поэму рассказать до конца в эту же ночь или дорассказать в следующую ночь; в противном случае, по словам шорцев, сказитель становится забывчивым (undučaq kiži pōł parča), тупеет (mīzı qurū-berča — его мозги высыхают), а жизнь его укорачивается.[1]

5

Свои высокохудожественные поэтические произведения шорцы пронесли сквозь века угнетения, передавая их из поколения в поколение.

Октябрьская революция, освободившая шорцев от векового рабства, вызвавшая мощный расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, возродила их народное творчество, которое бьет в наши дни мощной струей.

Среди новых художественных произведений первое место занимают песни. Песней откликается пробужденный народ на все события многогранной современной действительности. Эти песни только по своей внешней форме напоминают старые песни — изменились коренным образом темы песен, чувства и настроения их. Они — живой отклик на живую действительность.

Если в старых песнях доминировали ноты безнадежности и тоски, то новые песни полны чувством радости и уверенностью в будущем. С особой любовью повторяет песня имена тех, кто дал шорцам радость свободного творчества — имена Ленина и Сталина.

---

[1] См. об обычае рассказывать героические поэмы ночью у абаканских тюрков: «Умственная пища инородцев Минусинского округа» (составлено на основании материала, сообщенного свящ. Николаем Орфеевым). Енисейские епархиальные ведомости, 1887, № 16, стр. 196; Heldensagen der Minussinschen Tataren; rhytmisch bearbeitet von Anton Schiefner. 1859, стр. IX; Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, СПб., 1907, т. IX, стр. 211 — «Как татары говорят сказки»; П. Островских. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. Живая старина, 1895, ч. V, вып. III—IV; P. Ostrowskich. Über die Musikinstrumente der Katschinzen. Zeitschrift für Ethnologie, 1895, стр. 616—618; В. Титов. Богатырские поэмы минусинских татар. Вестник Русск. геогр. общ., 1855, ч. XV, 187.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/dyrenkova_1940/
© МАЭ РАН